

© 1994 г. ЛЕВИЦКИЙ В.В.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Звуковой символизм как нечто, "лежащее за пределами науки", должен был — чтобы обрести право на признание — представить неоспоримые доказательства существования произвольной связи между звуком и смыслом. Этим было обусловлено основное направление поисков на начальном этапе исследования звукового символизма — получение и накопление фактического материала, который мог бы служить фундаментом для дальнейших теоретических построений. Однако то, что представляет наибольший и, пожалуй, главный интерес для лингвистики — место, роль, функции звуко-символики в системе языка, соотношение звукового символизма и других факторов в развитии словарного состава, — остается пока в стороне от указанного главного направления в изучении звукоизобразительности, если не считать отдельных эпизодических работ, посвященных собственно лингвистическим аспектам данной проблемы. Цель настоящей статьи — осветить некоторые вопросы, связанные с фонетической мотивированностью слова и смежными с нею явлениями.

2. ВИДЫ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВА

Сегментация понятийного континуума и символизация отдельных его участков в языке осуществляется с помощью материальных языковых знаков. Целостность значимых единиц языка, представляющих собой единство материального и идеального, возможна лишь при условии, что между формой и содержанием в языке существует некоторая взаимосвязь, мотивирующая выбор той или иной единицы при обозначении сегментов плана содержания.

Таким образом, в языке должна существовать тенденция к мотивированности отношений между формой и содержанием лексических и грамматических единиц.

Такая тенденция находит свое проявление в стремлении языковой единицы сохранить или приобрести "внутреннюю форму". Именно такого рода процессы обуславливают фономорфологические изменения, получившие название "народная этимология" (*поликлиника* > *полуклиника*), отмирание стертых метафор ("дэти-мологизация"), появление новых, экспрессивных, а потому более жизнеспособных слов с ярко выраженной внутренней формой. Вместе с тем, однако, между языковой формой и содержанием не может быть жесткой связи, так как в противном случае оказалось бы невозможным обозначить с помощью ограниченного числа языковых единиц бесконечное множество явлений и отношений внешней действительности. Поэтому в языке должна действовать и противоположная тенденция, ведущая к произвольности знака. Обе тенденции не просто проявляются и действуют в языке — они обеспечивают его нормальное существование и функционирование, изменение материальных элементов и отношений между ними. Вот почему представляются в равной степени необоснованными утверждения и о "принципиальной произвольности", и о "принципиальной произвольности" языкового знака. Между двумя полярными видами отношений — произвольностью и мотивированностью — расположено множество переходных типов: в одних языках — в равной степени и в сфере лексики, и в сфере грамматики, в других — преимущественно в лексике.

Если говорить о мотивированности лексических единиц, то в некоторых случаях она трактуется слишком широко. Представляется, что подлинная мотивированность наименования имеет место лишь в тех случаях, когда нерасчлененный, аморфный материальный объект, служащий обозначением предметов и явлений внешнего мира, приобретает некоторую более или менее четко выраженную структуру (т.е. расчленяется, структурируется) и эта структура изоморфна структуре плана содержания.

Структурирование наименования достигается тремя основными путями, в соответствии с чем целесообразно различать, как это делает С. Ульман [1], три основных вида мотивированности — морфологическую, семантическую, фонетическую.

Морфологическая мотивированность является наиболее простым способом структурирования материальной стороны слова. Впечатление о членности наименования создается или поддерживается включением в его состав двух или более сегментов с лексическим и грамматическим значением (нем. *Be-deutung-s-lehre*, русск. учи-тель). Если в силу тех или иных причин (заимствование, развитие языка) границы между морфемами не осознаются или исчезают, тенденция к мотивированности, о которой говорилось выше, провоцирует вторичное структурирование наименования (ср. русск. *зонтик*, *спин-жак* и т.п.).

При семантической мотивированности структурирование наименования выражено не столь явно, однако в этом случае оно, безусловно, имеет место. Семантическая мотивированность основана на том, что в наименование одного предмета на правах его структурной части входит и наименование другого предмета, т.е., иначе говоря, оба наименования связывает отношение полного включения (*колокольчик* "маленький колокол" > "цветок")¹. Включение одного наименования в состав другого становится возможным потому, что оба обозначаемых двумя идентичными наименованиями предмета находятся в отношении сходства или смежности (*перо*, *бюро*, нем. *Stab* и т.п.). Однако наличие сходства или смежности — всего лишь "техника", позволяющая структурировать объект, но не причина, не фактор, не стимул, обуславливающий такое структурирование. Истинная причина метафоризации порождается выполнением языком не только функции выражения мысли, но и функции выражения чувств.

Наконец, фонетическая мотивированность основана на том, что звуковая структура наименования оказывается в той или иной степени изоморфной структуре обозначаемого предмета или явления. Так, семантика нем. *Zickzack*, судя по толкованию этого слова в словарях, включает такие компоненты, как *scharf* "резкий, острый". *Knick* "изгиб", *hin* — *her* "туда-сюда", что соответствует фонетической структуре слова, в котором противопоставление краткого верхнего [i] краткому нижнему [a], находящихся в одинаковом окружении, символизирует резко изломанную линию. Нередко такого рода изоморфизм (ср. рум. *mic* "маленький", русск. *огромный*) носит неявный, скрытый характер, ощущается носителями языка интуитивно и может быть обнаружен лишь с помощью специальных экспериментов.

Тот факт, что в основе фонетической мотивированности лежит именно структурное, а не материальное сходство звучания и значения, особенно убедительно подтверждает форма звукоподражательных слов в различных языках: одно и то же звучание передается в различных языках сходным, но все же далеко не идентичным набором фонем (ср. русск. *ку-ка-ре-ку*, нем. *kikeriki*, англ. *cock-a-doo-dle-doo* и т.д.).

¹ В отличие от морфологической мотивированности, основанной на линейном структурировании наименования, семантическая мотивированность основана на "телескопическом", "матрешкоподобном" структурировании

В принципе между звучанием и значением слова может наблюдаться три типа отношений: а) звучание слова соответствует значению (структуры обоих планов изоморфны друг другу); б) звучание слова противоречит значению; в) звучание и значение слова находятся в "нейтральном" отношении. Назовем первый тип положительным, второй — отрицательным, третий — нейтральным отношением между звучанием и значением. Фонетическая мотивированность слова и есть положительное отношение (соответствие) между его звуковой оболочкой и значением.

Среди фонетически мотивированных слов следует различать звукоподражательные (когда денотатом слова является звучание, производимое живым или неживым предметом) и звукосимволические (когда денотатом слова являются предметы, признаки, действия, не способные производить звучания) — [2, с. 167]. Оба явления — и звукоподражание, и звукосимволизм — тесно взаимосвязаны и в некоторых случаях трудно различимы.

3. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И ДЕНОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Уже первые наблюдения над функционированием звукоизобразительной лексики в различных языках показали, что звукосимволизм и звукоподражание характерны для слов с определенными предметно-логическим содержанием. Звукоподражательные слова обозначают чаще всего явления, возникающие при взаимодействии предметов (удар, треск, хруст, звон, скрип, трение); звуки, издаваемые человеком и животными, физиологические процессы (дыхание, чавканье, сморкание и т.п.). Классификация звукоподражаний в наиболее полном виде представлена в работе С.В. Воронина [4, с. 44]. Что касается звукосимволической лексики, то ее категоризация, и прежде всего выявление, представляет одну из наиболее сложных проблем фоносемантики. Так, Е.А. Гурджиева [3, с. 12] предложила 16 основных "тематических групп" слов, обладающих звукоизобразительными свойствами. Другие исследователи относят к звукоизобразительной лексике обозначения округлого, гладкого, близкого — далекого, маленького — большого, а также обозначения лизания, лакания, плача и т.п. [5, 6]. Эти полученные на материале различных языков наблюдения дают определенное представление о том, какие участки объективной действительности обозначаются в языке с помощью звукоизобразительной лексики. Тем не менее установить зависимость между определенными типом денотативных значений и фонетической мотивированностью слова можно только с помощью более строгой процедуры анализа, основанной на использовании статистики.

На материале французского языка такой анализ осуществлен Ж.-М. Петерфальви [7], который разделил предложенные испытуемым 73 слова (прилагательные, существительные и глаголы) на 5 семантических подклассов. Испытуемые оценивали степень соответствия между звучанием и значением предложенных им слов. В результате оказалось, что наибольшей фонетической мотивированностью обладают слова, обозначающие звучание, "чувственный опыт" и движение, наименее мотивированы слова с абстрактным и конкретным значением.

Для английского языка (исследовано 600 лексических единиц)² установлено, что наибольшая фонетическая мотивированность (ФМ) присуща прежде всего словам, относящимся к следующим семантическим подклассам: звучание, движение, чувственный опыт, свет, эмоциональное состояние, размер и форма. Отрицательное или нейтральное соотношение между звучанием и значением слова наблюдается в подклассах, обозначающих интеллектуальную деятельность, моральные качества человека, цвет, участки пространства.

² Исследование проведено Л.А. Комарицкой под руководством автора [8].

Наиболее полные данные о соотношении звучания и значения слова получены для немецкого языка³ (исследовано около 900 лексем, составляющих около 30 семантических подклассов). Наибольшей ФМ обладают подклассы со значением: звучание, движение, размер, состояние, положительные качества и свойства, явления природы. Наименьшая ФМ зафиксирована у слов, обозначающих свет, цвет, состояние человека и предметов.

Таким образом, данные, полученные на материале трех языков — английского, немецкого и французского, — в целом хорошо согласуются друг с другом и позволяют выделить основные подклассы слов, обладающих наибольшей ФМ (звучание, движение, сенсорный континуум).

4. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА

Зависимость между ФМ и принадлежностью слова к определенному морфологическому подклассу ("части речи") изучена еще недостаточно. Дж. Вейс [10] установил, например, что звуко-символические свойства и в английском языке в большей степени присущи глаголам. Ж.-М. Петерфальви [7] не обнаружил существенных различий в степени ФМ существительных, прилагательных и глаголов во французском языке. По данным Л.А. Комарницкой, в английском языке (исследовалось 190 глаголов, 255 существительных и 155 прилагательных) глаголы и прилагательные обладают большей ФМ, чем существительные. В немецком языке (обследовано 900 единиц) глаголы и прилагательные мотивированы меньше, чем существительные [8, с. 14; 9, с. 14].

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду не относится к релевантным признакам, определяющим степень ФМ слова. Этот признак носит, по-видимому, вторичный характер и сопряжен с семантическим статусом слова. Очевидно, что глаголы и прилагательные обладают большей ФМ постольку, поскольку они чаще обозначают движение и "чувственный опыт". Существительные чаще обозначают конкретные и абстрактные понятия, вследствие чего степень их ФМ ниже, чем у прилагательных и глаголов. Большая степень ФМ у немецких существительных объясняется, по-видимому, широким распространением субстантивации в немецком языке, где практически любое содержание (в том числе "вербальное" и "адъективное") может быть оформлено в виде существительного. Можно было бы возразить, что аналогичным свойством обладают и английские существительные. Думается, однако, что в английском языке действует иная закономерность: при отсутствии морфологических признаков "части речи" различия между грамматическими подклассами носят весьма условный характер. Поэтому окончательные выводы о зависимости ФМ от морфологического статуса слова можно будет сделать после обследования других языков, особенно тех, где различия между морфологическими подклассами носят четко выраженный характер.

5. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ, ЧАСТОТНОСТЬ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА

Мотивированность слова связана с его экспрессивностью. «Утеря образности... снижает степень эмоциональной насыщенности слова. Слова, "непонятные" по своей структуре, менее выразительны» [11]. Такого рода утверждения, в основе которых лежат наблюдения над фактами языка, находят экспериментальное подтверждение: "длительное... повторение или продолжительная визуальная фиксация слова (семантическое или вербальное насыщение) ведет к утрате значения или к сокращению эффективности вербального материала" (12, с. 421).

³ Исследование выполнено В.И. Кушнериком под руководством автора [9].

В свете сказанного становится очевидным, что стремление к экспрессивности обуславливает предпочтение говорящим "образной", "прозрачной", т.е. мотивированной лексики; повышение — как следствие этого процесса — частоты употребления экспрессивно-эмоциональных лексических единиц приводит к утрате ими мотивированности, а вместе с тем и экспрессивности, к снижению частоты употребления, смещению на периферию данной лексико-семантической микро-системы или даже отмиранию старых слов и предпочтению новых (подробнее см. разд. 8). Таким образом, частота употребления слова связана с его мотивированностью и экспрессивностью.

Изучение соотношения частоты употребления (использовались соответствующие частотные словари) и фонетической мотивированности слова в английском и немецком языках показало следующее. В английском языке высокочастотные слова мотивированы в большей степени, чем низкочастотные, или, иначе говоря, фонетически мотивированные слова обладают более высокой частотой употребления. В немецком языке обнаружено несколько иное соотношение частоты и мотивированности слова. Наиболее мотивированными здесь оказались и самые частые, и самые редкие лексемы. В этой связи можно предположить, что функционирование любого мотивированного (и — шире — любого экспрессивного) слова регулируется в языке общесемиологическим законом соотношения содержания и употребления знака: чем шире сфера употребления, тем уже его содержание. Достигнув некоторого пика в частоте своего употребления, слово утрачивает экспрессивность и переходит в разряд менее употребительных, его место занимает более мотивированная лексема. Что касается стилистического статуса слова, то на материале английского и немецкого языков установлено, что действие, звуко-символизма в первую очередь проявляется в сфере "нелитературной" лексики (у слов со словарными пометами "разговорный", "вульгарный", "грубый", "диалектный" и т.п.).

6. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Соотношение ФМ и коннотативного значения слова неоднократно привлекало внимание российских и зарубежных лингвистов и психологов. Так, М. Вертхеймер [13] установил, в частности, что фонетически мотивированные слова ("слова, звучание которых соответствует их значению") обладают ярко выраженным коннотативным значением по сравнению со словами, звучание которых не соответствует их значению. Дж. Вейс [10], изменив процедурные условия, предложенные М. Вертхеймером, подверг сомнению выводы последнего и выдвинул, в свою очередь, гипотезу о том, что степень соответствия между звучанием и значением какого-либо слова зависит от принадлежности этого слова к тому или иному грамматическому разряду. Н.А. Павлюк, работа которого посвящена изучению причин, влияющих на изменение коннотативного значения слова, установил, что скорость такого изменения зависит, главным образом, от двух факторов: от расстояния между коннотатом и фонетическим значением и от принадлежности слова к той или иной семантической группе [14, с. 72]. К сожалению, ни одну из затронутых в перечисленных работах проблем невозможно считать решенной: этому препятствует крайняя малочисленность исследований, специально посвященных соотношению коннотации и звукового символизма, противоречивость результатов, полученных различными авторами, наконец, наличие некоторых недостатков в процедурах, избранных тем или иным исследователем. Так, в несомненно интересной работе Н.А. Павлюка сделано, к сожалению, слишком мало замеров для того, чтобы с уверенностью говорить о влиянии первого фактора (расстояния между коннотатом и фонетическим значением), и содержится слишком мало объективно полученных данных, чтобы можно было говорить о влиянии второго фактора (так называемых "семан-

тических групп": последние вычленились автором произвольно: в одну группу включены, например, слова *жуть*, *страх*, *ужас*, но не включено — из числа обследованных — слово *кошмар*; в другую группу вошли слова *гниль*, *грязь*, *жаба*, но не вошло слово *тина* и т.п.). М. Вертхеймер и Дж. Вейс измеряли коннотативное значение слова не в "чистом" виде, а вместе с фонетическим значением (при измерении коннотативного значения испытуемым предъявляется не понятие, а слово, т.е. единство звучания и смысла), а потому остается неясным, что же в конечном счете оценивали испытуемые — коннотацию или звуко-символические свойства слова. Очевидно, чтобы говорить о соотношении коннотативного значения и фонетической мотивированности слова, нужно предварительно каким-либо образом вычленить и изолировать хотя бы один из этих компонентов — "коннотацию" или "мотивацию" — и измерить его отдельно. Высказанные соображения и предопределили процедуру и стратегию проведенного нами эксперимента (экспериментальная часть исследования выполнена Л.А. Комарицкой под руководством автора). Замысел экспериментаторов состоял в том, чтобы измерить с помощью семантического дифференциала звучания только тех слов, значения которых оставались испытуемым неизвестными, а затем сравнить полученные результаты с величинами коннотативного значения (КЗ) этих слов. Осуществить такой замысел оказалось возможным, используя, с одной стороны, известную работу американских исследователей о коннотативном значении более 300 слов английского языка [15], а с другой стороны, результаты экспериментов, проведенных в Черновицком университете. В конечном итоге в распоряжении экспериментатора оказалось два ряда оценок: а) величины, измеряющие степень соответствия между звучаниями определенных фонетических комплексов (286 слов английского языка) и полярными понятиями трех шкал — активности, силы, оценки (т.е. величины ФМ 286 слов); б) величины, измеряющие КЗ тех же 286 слов. Дальнейший статистический анализ показал, что величины коэффициентов корреляции между оценками ФМ и КЗ 286 слов для всех трех шкал обладают статистической значимостью и соответственно равны + 0,33 (шкала активности), + 0,41 (шкала оценки), + 0,37 (шкала силы). Поскольку, однако, то, что в работах американских исследователей рассматривается в качестве оценки КЗ, представляет собой сумму двух векторов — собственно коннотации и фонетической мотивированности, — можно с достаточным основанием сделать следующий вывод: так как испытуемым в нашем эксперименте не были известны ни коннотативное, ни денотативное значения предъявленных звуковых комплексов, то статистически значимое совпадение КЗ и ФМ этих слов невозможно объяснить действием коннотативного значения. Иначе говоря, КЗ не совпадает полностью с ФМ, но в значительной степени обусловлено последним. От каких же факторов зависит степень совпадения КЗ и ФМ? В качестве гипотезы можно указать на три группы факторов: 1) частотность слова; 2) принадлежность слова к определенному грамматическому подклассу; 3) принадлежность слова к определенному семантическому подклассу. К сожалению, изучить влияние второго из названных факторов в нашем эксперименте оказалось затруднительным из-за отсутствия соответствующих грамматических индексов в использованном нами списке английских лексем. Роль каждого из двух других факторов была изучена с помощью статистических и психометрических методов.

Было установлено, что чем чаще употребляется слово, тем в большей степени его ФМ соответствует КЗ. Этот вывод полностью совпадает с изложенными выше результатами о соотношении частотности и ФМ в английском языке.

Соотношение ФМ и КЗ слов, входящих в различные семантические подклассы (группировка подклассов осуществлялась с помощью психолингвистических методов), измерялось двумя статистическими показателями: величиной коэффициента корреляции между оценками ФМ и КЗ и средней величиной отклонения оценки КЗ от оценки ФМ. Наименьшая разница между обоими типами оценок обнаружена для слов, обозначающих "движение", "сенсорные" понятия, наиболь-

шая — для слов, обозначающих абстрактные понятия. Если учесть, что ФМ максимально сближается с коннотативным значением в тех группах слов, для которых установлена наибольшая степень фонетической мотивированности, то логично сделать вывод, что само коннотативное значение создается в значительной степени за счет фонетической мотивированности слова. У слов с абстрактным и конкретным значением фонетическая мотивированность значительно снижается или отсутствует вообще, в то время как коннотативное значение в этих лексических группах может достигать предельной величины, так как испытуемые оценивают не звучание, а значение слова (например, понятия "отец" и "мать" в экспериментах Ч. Осгуда). Все это позволяет сделать следующий вывод. Фонетическая мотивированность и коннотативное значение тесно связаны друг с другом, но не являются идентичными явлениями. По-видимому, тот сложный феномен, который принято называть коннотативным значением, представляет результат разнопланового взаимодействия оценок и впечатлений от понятийного и звукового образов слова (означаемого и означающего). Для одних семантических подклассов ФМ является основным компонентом коннотации, для других звуко-символические ингредиенты составляют лишь сравнительно небольшую часть в коннотативном значении слова или отсутствуют в нем вообще.

7. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Теоретическое и экспериментальное изучение звукового символизма вызвало необходимость установить более тонкие различия между понятиями, которые рассматривались как идентичные или очень близкие. Так обстоит дело, в частности, с понятиями "фонетическая мотивированность" и "фонетическое значение". Под фонетической мотивированностью, как видно из изложенного, понимается соответствие звучания слова его значению. Степень такого соответствия, как показано выше, измеряется с помощью психолингвистических методов. Под фонетическим значением (понятие и термин введены А.П. Журавлевым [16, с. 60]) понимается суммарная оценка символических значений звуков, которые входят в состав звучания слова. Символические значения звуков измеряются с помощью методики "семантического дифференциала", а фонетическое значение слова рассчитывается по специальной формуле с учетом позиции звуков в слове и места ударения. Именно таким образом А.П. Журавлев измерил фонетическое значение нескольких тысяч слов русского языка. Два положения в исследованиях А.П. Журавлева представляются нам, однако, не до конца разработанными. Во-первых, принцип отбора анализируемого материала. Экспериментатор подвергал статистической обработке такие лексемы русского языка, в которых заранее предполагалось обнаружить ярко выраженное ФЗ. В результате оказалось, что все исследованные слова обладают ФЗ. Не ясным остается при этом, каким пластом лексики и в какой степени ФЗ присуще в большей или меньшей степени. Во-вторых, — этот недостаток представляется нам более существенным — интерпретация вычисленной с помощью ЭВМ суммарной оценки носит субъективный характер. В самом деле, какую из полученных по разным шкалам оценок следует признать ФЗ слова? В каких случаях следует считать, что слово обладает ФЗ, а в каких — нет? Допустим, что вычисленное ФЗ слова *жаба* составляют такие параметры: "теплое", "активное", "печальное". Какая из полученных трех оценок должна быть принята, а какая — отброшена? Если принять все три, то можно ли считать, что найденные оценки соответствуют денотативному (сигнификативному) значению слова? А.П. Журавлев в подобного рода случаях полагает, что "вопрос о существенности признака решается интуитивно", а при отборе признаков нельзя требовать "особенно точного" соответствия лексическому значению слова. Таким образом, методы определения и интерпретации ФЗ слова требуют дальнейшего изучения и уточнения.

Принятая нами процедура вычисления и интерпретации ФЗ сводилась к следующему. Было исследовано 514 безаффиксальных слов (157 существительных, 177 прилагательных, 180 глаголов) современного немецкого языка⁴, полученных в результате сплошной выборки из [17]. Для расчета ФЗ была использована формула А.П. Журавлева и данные о фонетических значениях звуков немецкого языка по 7 шкалам, приводимые в [18]. В результате статистической обработки с помощью ЭВМ были получены величины ФЗ 514 слов, выраженные так называемыми "очищенными" оценками со знаками "+" или "-". Например, ФЗ немецкого слова *Schub* "толчок, сдвиг" выражается величинами + 1,34 (шкала силы, - 1,12 (шкала активности), - 0,13 (шкала теплоты) и т.д. Для объективной интерпретации существенности полученных оценок допустимы два основных приема. Можно было бы, во-первых, установить чисто условные границы в градации степени того или иного признака (например, менее 0,5 — слабая степень, от 0,5 до 1 — средняя и т.д.). Во-вторых, можно найти среднюю величину ФЗ и считать все случаи превышения этой средней наличием соответствующего признака, все остальные случаи — отсутствием признака. Вторая процедура представляется более объективной. Соответствующие расчеты показали, что средняя величина ФЗ составляет 0,50. Таким образом, степень наличия того или иного признака считалась существенной, если его величина превышала 0,5. Данные о величине фонетической мотивированности были получены с помощью психолингвистических методов (испытуемые оценивали степень соответствия между звучанием и значением слова с помощью пятибалльной шкалы).

Между двумя показателями, характеризующими зависимость между звучанием и значением — ФЗ и ФМ, могут возникнуть следующие типы отношений. 1) у слова обнаружены статистически значимые ФЗ и ФМ; 2) слово обладает ФЗ, вычисленным ЭВМ, но не обладает положительной ФМ (звучание не соответствует значению с точки зрения испытуемых); 3) слово обладает положительной ФМ, но не обладает статистически значимым ФЗ (величины, полученные ЭВМ, близки к нулю); 4) у слова отсутствуют значимые ФЗ и ФМ. Опуская случаи последнего типа, рассмотрим более подробно взаимоотношения между ФЗ и ФМ, названные в пунктах 1—3.

Наличие у слова статистически значимых ФЗ и ФМ. Среди обследованных нами лексем к данному типу относятся около 40 слов, большую часть которых составляют прилагательные и существительные, обозначающие свойства, качества, движение, действие и обладающие низкой частотой встречаемости (частота встречаемости определялась по словарю [19]).

Наличие ФЗ при отсутствии ФМ. Такой тип отношений характеризует свыше 60 слов, отличающихся крайне низкой частотой встречаемости и обозначающих преимущественно конкретные предметы и абстрактные понятия.

Наличие ФМ при отсутствии ФЗ. Этот тип охватывает 140 слов, причем существительные, глаголы и прилагательные распределяются приблизительно равномерно. Среди лексем этого типа преобладают слова, обозначающие действия, качества и свойства, звучание. В отличие от двух предыдущих типов, в данной категории лексики встречаются и наиболее частые, и наиболее редкие лексемы. Заметна доля слов, относящихся к стилистически сниженной лексике.

Случаи несовпадения ФМ и ФЗ дают интересный материал, имеющий немалое теоретическое значение для понимания механизма действия и функционирования звукового символизма. В самом деле, как трактовать случаи, когда при наличии объективно засвидетельствованного фонетического значения, т.е. символики входящих в состав звучания слова звуков, испытуемые "не замечают" явного соответствия между звучанием и значением слова, т.е. не фиксируют наличие значимой ФМ? Оказывается, само по себе наличие в звучании слова звуков,

⁴ Экспериментальная часть исследования выполнена В.И. Кушнериком под руководством автора

способных иметь символическое значение, не обязательно реализуется в языке и в психике говорящего. Следовательно, символическое значение не присуще звукам от природы, а приписывается им говорящими по определенным "правилам". Другое дело, что сами эти правила основаны на физических (акустических и артикуляционных) свойствах звуков. Действие синестезии, лежащее, таким образом, в основе звуко-символизма, носит потенциальный характер и проявляется лишь при определенных условиях: когда звучание слова случайно, в результате своеобразного сочетания внешних и внутренних факторов развития языка, приходит в соответствие с его значением.

Требуют объяснения и такие случаи, когда при наличии ФМ, фиксируемой испытуемыми, ЭВМ не фиксирует у слова значимого ФЗ. Следует еще раз напомнить, что ФЗ складывается из оценок отдельных звуков (со знаками + или -), входящих в состав звучания слова. Если, скажем, только один звук в звуковой оболочке слова обладает символическим значением, а остальные не обладают им, то в итоге ЭВМ зафиксирует незначительное, статистически несущественное ФЗ. Может быть и так, что некоторые звуки (или один звук), входящие в звучание слова, обладают положительной, а другие звуки — отрицательной (по одной и той же шкале) символикой. В итоге оба звука взаимно уничтожат символический вес друг друга, и ЭВМ зафиксирует ФЗ, близкое к нулю.

Иначе обстоит дело, когда подобное слово оценивает испытуемый. Полученный нами экспериментальный материал показывает, что наличие в звучании слова хотя бы одного звука (особенно ударных гласных), соответствующего семантике этого слова, дает испытуемому основание считать, что слово обладает ФМ. При этом символика других звуков, входящих в звучание слова, как бы не принимается в расчет, не замечается испытуемым. В качестве примера можно привести такие слова, как нем. *lieben*, где [l] оценивается как "приятное", а [i] как "неприятное". К аналогичным типам слов относятся *streben*, где [s] "медленное", [t] и [r] "быстрые", *schnell*, где [s] и [n] "медленные", а [e] "очень быстрый" и т.п. Интересно заметить, что к аналогичным наблюдениям пришел Р.Р. Гельгардт, анализируя диалог Платона "Кратил" (цит. по [20, с. 5]).

8. ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

Как известно, О. Есперсен [21] и Дж. Опп [22] поставил вопрос о влиянии звукового символизма на жизнеспособность слова и на аномалии в действии фонетических законов. Дж. Опп, в частности, обратил внимание на то, что лат. *parvus*, звучание которого, включавшее [a], противоречило значению "малый", было заменено в романских языках другими словами, включавшими в свое звучание [i]: рум. *mic*, итал. *piccolo*, франц. *petit*. Иные результаты были получены в экспериментальной психологии. Так, С. Эртель [23] сравнил "новые" и "старые" формы (всего 337 пар), обозначающие *ш* в пяти древних и семи современных языках, и, основываясь на результатах психолингвистических экспериментов (испытуемые оценивали соответствие между звучанием и значением слова), пришел к заключению, что в большинстве случаев (57%) "новые" слова, подвергшиеся фонетическим изменениям, обладают символическими свойствами в меньшей степени, чем их более ранние формы [23, с. 147].

Таким образом, выводы лингвистов и психологов о соотношении символических потенциалов старых и новых лексических единиц с *т* не совпадают. Не обсуждая здесь процедурных условий, которые могли оказать влияние результаты проведенных С. Эртелем экспериментов, обратим внимание лишь на лингвистический аспект рассматриваемой проблемы. Следует, очевидно, иметь в виду, что кроме фонетической мотивированности статус слова в системе языка видоизменяется под влиянием двух видов мотивированности — семантической и морфологической, а также ряда других языковых и неязыковых факторов. Соотношение фонетической

и семантической мотивированности, изученное на примере развития слов, обозначающих понятие размера в немецком и английском языках (слова с этим значением, как видно из изложенного, не раз привлекали внимание лингвистов своими звукосимволическими свойствами), позволяет сделать такое заключение. При взаимодействии старых и новых синонимов, обладающих различными видами мотивированности, могут сложиться следующие отношения. 1) Одно слово лишено какой бы то ни было мотивированности, другое обладает только одним видом мотивированности: а) семантической (такое соотношение сложилось, как показал Г. Шпербер, между старым и новым обозначением головы в немецком языке *houbit* и *kopf* [24, с. 38]; другие аналогичные примеры подробно рассмотрены Р.А. Будаговым [25, с. 98 — 105]); б) фонетической (такое соотношение сложилось, очевидно, между лат. *parvus* и новыми лексемами в романских языках [22, с. 1 — 8]). В этом случае мотивированное слово оказывается более жизнеспособным, чем немотивированное; 2) Одно слово обладает только фонетической мотивированностью, другое — только семантической (такое соотношение сложилось, по-видимому, между др.-англ. *lytel* и *smæl*. В этом случае итоги конкурентной борьбы могут зависеть от других дополнительных обстоятельств; 3) Одна из двух единиц обладает одним видом мотивированности, другая — двумя. Здесь наблюдаются две разновидности. Первая, когда одно слово обладает семантической, другое — семантической и фонетической мотивированностью (др.-в.-нем. *smal* и *kleini*). В этом случае семантически мотивированное слово не исчезает из системы языка, а переходит в иную концептуальную сферу. Вторая разновидность наблюдается, когда одно слово обладает фонетической, другое — фонетической и семантической мотивированностью (др.-в.-нем. *luzzil* и *kleini*). Как показало развитие микросистемы в немецком языке, фонетически мотивированное слово (*luzzil*) не выдерживает натиска лексического конкурента, обладающего двумя видами мотивированности (*kleini*).

Разумеется, любые попытки вторгнуться в сложные лексико-семантические процессы, происходящие в языке, чреваты определенной долей схематизма. Изменения в семантике, составе и конфигурации лексических единиц являются результатом сложного, взаимодействия различных внешних и внутренних (системных) факторов, среди которых, как показал изложенный материал, определенную роль может играть мотивированность лексической единицы.

Наиболее общая закономерность развития словарного состава языка, установленная Г. Шпербером и развитая затем в работах других лингвистов, заключается в том, что старые, потускневшие, стертые, лишенные экспрессивности единицы, вступая в конкурентную борьбу с новыми, обладающими эмоционально-экспрессивным зарядом единицами, уступают им место, исчезая из языка вообще, переходя на его периферию или включаясь в состав других лексических микросистем. Новые единицы в силу закона об обратном соотношении объемов употребления и содержания знака по мере расширения сферы употребления превращаются, в свою очередь, в демотивированные знаки, уступая со временем свое место новым единицам. В этих условиях трудно ожидать, что количество звукосимволических слов в языке будет постоянно уменьшаться, как это следует из эксперимента С. Эртеля. Вероятно, полученные им результаты обусловлены тем, что в качестве представителей "новых" синонимов, большинство из которых оказалось фонетически менее мотивированными, чем старые, взяты нормированные, стандартные, достигшие известного "пика" в своем развитии слова (С. Эртель использовал известный словарь Бака [26]), а не их экспрессивные соперники (такие, как, например, синонимы к немецкому слову *klein*: *fipstg*, *fiselig* или синонимы к слову: *Kopf*: *Schädel*, *Birne*, *Kürbis*, *Kuller* и т.п. [27]). Если все же тенденция к уменьшению в современных языках звукосимволических слов будет непреложно доказана статистическими или иными надежными методами, то в свете сформулированной выше закономерности (медленное, но постоянное

обновление лексического состава) необходимо будет принять гипотезу о том, что на современном этапе развития языка и мышления экспрессивность лексики порождается преимущественно не фонетической, а семантической образностью. Иначе говоря, для современного мышления образность, возникшая на основе понятийных ассоциаций, оказывается более яркой, чем образность, порожденная звуковыми ассоциациями.

9. ВЫВОДЫ

1. При исследовании символических и эмоционально-экспрессивных свойств слова следует четко различать понятия "фонетическая мотивированность", "фонетическое значение", "коннотативное значение". Хотя фонетическая мотивированность слова тесно связана с его коннотативным значением, оба явления не идентичны. Коннотативное значение создается в значительной степени за счет фонетической мотивированности слова, причем для одних семантических подклассов фонетическая мотивированность является основным компонентом коннотации, для других — звукосимволические ингредиенты составляют лишь сравнительно небольшую часть в коннотативном значении слова или отсутствуют в нем вообще.

2. Если под фонетическим значением слова понимать суммарную оценку символики звуков, которые входят в состав его звучания, а под фонетической мотивированностью — соответствие звучания слова его значению, то ФЗ и ФМ одного и того же слова могут не совпадать или даже резко отличаться друг от друга. Несовпадение обоих параметров слова дает основание полагать, что символическое значение приписывается слову говорящими по определенным "правилам", в основе которых лежат физические свойства звуков и транспозиция одних видов ощущений в другие, т.е. синестезия.

3. Фонетическая мотивированность слова может оказать воздействие на эволюцию его формы или содержания. Однако действие этого фактора следует рассматривать в тесной взаимосвязи с действием других процессов и явлений языка, в частности, с действием семантической мотивированности слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ullmann S.* Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford, 1964.
2. *Комарницкая Л.А., Кушнерик В.И., Левицкий В.В.* Фоносемантическая общность языков // Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.
3. *Гурджиева Е.А.* Элементарный звуковой символизм (статистическое исследование): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1973.
4. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
5. *Койбаева Т.Х.* Звукосимволическая лексика английского и осетинского языков: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1987.
6. *Мазанов И.А.* Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (На материале английского и лезгинского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1985.
7. *Peterfalvi J.-M.* Recherches experimentales sur le symbolisme phonétique. P., 1970.
8. *Комарницкая Л.А.* Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1985.
9. *Кушнерик В.И.* Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1987.
10. *Weiss J.* Phonetic symbolism and perception of connotative meaning // Journal of verbal learning and verbal behavior, 1968. V. 7. N 2 P. 574—576.
11. *Гинзбург Р.С.* Смысловая структура слова // ИЯШ. 1957. № 5. С. 90.
12. *Kanungo R., Lambert W.E.* Semantic satiation and meaningfulness // American journal of psychology. 1963. V. 76. N. 3.
13. *Wertheimer M.* The relation between the sound of a word and its meaning // American journal of psychology. 1958. V. 71. N. 3.
14. *Павлюк Н.А.* Сопоставление лексического и фонетического значения // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976.
15. *Jenkins J., Russel W., Suci G.* An atlas of semantic profiles for 360 words // American journal of psychology. 1958. V. 71. N. 4.
16. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1974.

17. *Лепинг Е.И.* Немецко-русский словарь. М., 1976.
18. *Левицкий В.В., Кушнерик В.И.* Символічні значення голосних і приголосних сучасної німецької мови // Мовознавство. 1986. № 3.
19. *Koeding F.W.* Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache. В., 1987.
20. *Залевская А.А.* О некоторых актуальных проблемах психолингвистики // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. Калинин, 1986.
21. *Jespersen O.* Symbolic value of the vowel *i* // *Linguistica*. Copenhagen, 1933.
22. *Orr J.* On some sound values in English // *British journal of psychology*. P., 1944. V. 35. Pt 1.
23. *Ertel S.* Psychophonetik (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). Göttingen, 1969.
24. *Sperber H.* Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn; Leipzig, 1923.
25. *Будагов Р.А.* Сравнительно-семасиологические исследования. М. 1963.
26. *Buck C.D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
27. *Görner H., Kempcke G.* Synonymwörterbuch. Leipzig, 1974.